
Дмитрий КАПУСТИН

АНТОН ЧЕХОВ: ПОБЕГ В ЕВРОПУ (путешествие второе)¹

Второе путешествие Чехова в Европу (сентябрь—октябрь 1894 года) было в чем-то похожим на первое: так же неожиданно сорвался с места и опять же с Сувориным

К лету 1894 года быт в милом Мелихове был уже налажен, хорошо работалось, но «доброкачественна зараза», она же «страсть к передвижению», опять звала в дорогу. В августе вместе с Потапенко писатель задумал «Волго-Донской круиз» — от Ярославля до Царицына по Волге, а потом из Калача в Таганрог по Дону. Но уже в Нижнем ему стало «душно, нудно и тошно», он подхватил чемодан и «позорно бежал» в Москву, Потапенко за ним. Отходили душой и телом уже в Сумах, на реке Псел, где «поэзии хоть отбавляй», а еще «тепло, масса воды и зелени и прекрасные люди».

Потом шесть дней Чехов провел в родном Таганроге и в начале сентября приехал в Феодосию к Суворину на его богатую дачу. Но тот сентябрь в Крыму выдался удивительно холодным. «В Феодосии дует холодный северный ветер, море бушует, пальцы коченеют; сплю под тремя одеялами и вижу нехорошие сны. Холодище ужасный <...>, — писал он 6 сентября своей хорошей сумской знакомой Н. М. Линтваревой. — Ужасно хочется в тепло, куда-нибудь в Египет или на озеро Комо. Ах, как холодно!!! Брррр!! Дом у Суворина великолепный, но нет печей»².

Еще 4 сентября Чехов обещал друзьям быть в Москве «дней через десять», но уже 13-го беглецы были в Одессе. Здесь случился «паспортный инцидент»: писатель запросил телеграммой серпуховского исправника «донести одесскому градоначальнику об неимении препятствий» его выезду за границу. Это было основанием, чтобы ему выдали его заграничный паспорт, хранившийся в Одессе еще со времени возвращения из азиатского путешествия. Но путешественники слишком спешили, и Суворин написал гневное письмо одесскому градоначальнику Зеленому. Буквально ночью примчался нарочный, отпер канцелярию и выдал Чехову его паспорт.

Дмитрий Тимофеевич Капустин родился в 1942 году в Москве. Окончил МГИМО, востоковед-международник, кандидат исторических наук. Автор книг и статей по международным отношениям на Дальнем Востоке. В сферу его увлечений и научных интересов входит также творчество и биография А. П. Чехова. По этой теме опубликовал ряд статей и две книги: «Антон Чехов на Востоке. Сборник статей». Saarbrücken. Lambert Academic Publishing, 2012. 264 с. (на русском языке); «Азиатское путешествие Антона Чехова. 1890 год». М.: Этерна, 2014. 280 с.

¹ Начало цикла «Чехов в Европе», см.: Нева, 2018, № 1. Первый выезд в Европу.

² Письма цитируются по Полному собранию сочинений и писем А. П. Чехова (1974—1983) — далее ПССиП. Даты писем упомянуты в тексте.

По-видимому, 16—17 сентября путешественники приехали в «галицийскую столицу», австро-венгерский Лемберг (нынешний Львов). Здесь Чехов купил два томика Шевченко и был на польской выставке, где «видел патриотическую, но очень жидкую живопись». Удивился, что здесь «видимо-невидимо» необыкновенных евреев «в лапсердаках и пейзах» и все «говорят по-русски».

А 18-го спутники достигли Вены, где остановились всего на пару дней. Лишь одна фраза осталась в воспоминаниях о тех днях, мол, там «ел очень вкусный хлеб» и «купил новую чернильницу, а также жокейский картуз с ушами». Узнав, что Лика Мизинова находится в Швейцарии, Чехов сразу написал ей 18 сентября: «Умоляю, не пишите никому в России, что я за границей. Уехал тайно, как вор. Маша думает, что я в Феодосии <...>. Будут огорчены, ибо мои частые поездки давно уже надоели». Он жаловался на «непрерывный кашель» и грустно признавался: «Очевидно, и здоровье я прозевал так же, как Вас».

Адриатика

От дождей в Вене («каждый час дождь») поехали в Аббаццию, «этот рай земной, но и тут дождь!!!» — сообщил Чехов Линтваревой 21 сентября. И в том же письме: «Аббация и Адриатическое море великолепны, но Лука и Псел лучше». Надо подчеркнуть, что этот хорватский городок (ныне г. Опатия), превратившийся из захудалого поселка в модный курорт, входил тогда в состав Австро-Венгрии, а выход к Адриатическому побережью превращал эту, казалось бы, сугубо сухопутную империю в морскую державу.

Прекрасное описание этого курортного местечка, почти физический «эффект присутствия» есть в рассказе Чехова «Ариадна» (1895), явно написанного под впечатлениями этого выезда в Европу, как, впрочем, и деталей первого выезда в 1891 году.

Вы бывали когда-нибудь в Аббации? Это грязный славянский городишко с одною только улицей, которая воняет и по которой после дождя нельзя проходить без калош. Я так много и всякий раз с таким умилением читал про этот рай земной, что когда я потом, подсучив брюки, осторожно переходил через узкую улицу и от скуки покупал жесткие груши у старой бабы, которая, узнав во мне русского, говорила «читирь», «давадцать», и когда я в недоумении спрашивал себя, куда же мне, наконец, идти и что мне тут делать, и когда мне непременно встречались русские, обманутые так же, как я, то мне становилось досадно и стыдно. Тут есть тихая бухта, по которой ходят пароходы и лодки с разноцветными парусами; отсюда видны и Фиуме (ныне г. Риека. — Д. К.), и далекие острова, покрытые лиловою мглой, и это было бы картинно, если бы вид на бухту не загороживали отели и их *dépendance*'ы (пристройки. — Д. К.) нелепой мещанской архитектуры, которыми застроили весь этот зеленый берег жадные торгаши, так что большею частью вы ничего не видите в раю, кроме окон, террас и площадок с белыми столиками и черными лакейскими фраками. Тут есть парк, какой вы найдете теперь во всяком заграничном курорте. И темная, неподвижная, молчаливая зелень пальм, и ярко-желтый песок на аллеях, и ярко-зеленые скамьи, и блеск ревущих солдатских труб, и красные лампасы генерала — все это надоедает в десять минут. А между тем вы обязаны почему-то прожить здесь десять дней, десять недель! Таскаясь поневоле по этим курортам, я все более убеждался, как неудобно и скучно живетесь сытым и богатым, как вяло и слабо воображение у них, как несмелы их вкусы и желания. И во сколько раз счастливее их те старые и молодые туристы, которые, не имея денег, чтобы жить в отелях, живут, где придется, любят вид моря с высоты гор, лежа на зеленой траве,

ходят пешком, видят близко леса, деревни, наблюдают обычаи страны, слышат ее песни, влюбляются в ее женщин...³

Подобно героям рассказа, Чехов с Сувориным бежали от дождей и скуки в Италию. Причем бытовая сторона как бы списана в «Ариадне» с привычек и замашек Суворина, привыкшего к роскоши и хорошим ресторанам.

Мы останавливались в Венеции, в Болонье, во Флоренции и в каждом городе непременно попадали в дорогой отель, где с нас драли отдельно и за освещение, и за прислугу, и за отопление, и за хлеб к завтраку, и за право пообедать не в общей зале. Ели мы ужасно много. Утром нам подавали *café complet* (кофе с молоком, булочки, масло. — Д. К.). В час завтрак: мясо, рыба, какой-нибудь омлет, сыр, фрукты и вино. В шесть часов обед из восьми блюд, с длинными антрактами, в течение которых мы пили пиво и вино. В девятом часу чай⁴.

В рассказе есть и еще одна любопытная «зарисовка с натуры», по-видимому, из первого европейского турне 1891 года, поскольку в этот раз путешественники Рима не посещали.

То же было и в Риме. Тут шел дождь, дул холодный ветер. После жирного завтрака мы поехали осматривать храм Петра (в Ватикане. — Д. К.) и, благодаря нашей сытости и, быть может, дурной погоде, он не произвел на нас никакого впечатления, и мы, уличая друг друга в равнодушии к искусству, едва не поссорились.⁵

Милан и Генуя

29 сентября Антон пишет сестре Маше, находясь уже в Милане, важное письмо. Во-первых, он столь поздно сообщает самым близким родным, что уехал за границу. (Старшему брату Александру, который не жил с семьей, он сообщил об этом еще из Вены.) Причина этого заключалась, вероятно, в том, что Чехов испытывал угрызения совести, поскольку являлся главным содержателем всей семьи и хозяином «великого герцогства», то есть усадьбы в Мелихове, купленной в 1892 году в рассрочку и банковский залог. «Вероятно, у тебя нет или очень мало денег, — написал он. — Потерпи с недельку; в Ницце я получу подробный расчет из книжного магазина «Нового времени» и тогда прикажу выслать вам денег. Надо еще в банк 180 р. заплатить». В те годы писатель уже неплохо зарабатывал («4—5 тысяч в год»), но и расходы гостеприимного семейства были немалые.

Во-вторых, в письме он сообщает более или менее подробный маршрут после Аббации: Фиум, Триест, «откуда ходят громадные пароходы во все части света», Венеция («тут напала на меня крапивная лихорадка, не оставляющая меня и поньне»). Помимо этой напасти, писатель Чехов в нескольких письмах повторял: «покашливаю», «кашляю, но в общем здоров». Но три года спустя Венеция, видимо, не произвела на Чехова столь же сильного впечатления. В письмах и воспоминаниях той поры, помимо крапивницы, остались лишь беглые замечания о хорошей погоде, катании на гондоле, сырости по вечерам и покупке сувениров: стакана, «окрашенного в райские цвета»

³ ПССиП, т. 9, с. 118–119.

⁴ Там же, с. 121.

⁵ Там же, с. 122.

(видимо, муранского стекла. — Д. К.), а также трех шелковых галстуков и булавки. Хотя, казалось бы, Венеция потрясает и во второе, и в третье посещение.

Из Венеции путь лежал на север, в Милан, где писатель еще не бывал («пейзажи в Ломбардии изумительные, — пожалуй, как нигде в свете»). Конечно, был осмотрен знаменитый беломраморный собор (так называемой «пламенеющей готики») в историческом центре города, который «так красив, что даже страшно». Также посетили расположенную рядом не менее известную Галерею Виктора Эммануила II (в то время короля Италии. — Д. К.) — один из первых в Европе пассажей, великолепно украшенный мозаичными панно и скульптурами 24 великих итальянцев, с художественными салонами, дорогими магазинами, ресторанами и кафе. Но эти замечательные творения итальянского искусства удостоились у Чехова лишь кратких упоминаний в письмах.

А далее была Генуя. «Тут тьма кораблей и знаменитое кладбище, богатое статуями, — написал он Линтваревой 1 октября. — Статуй, в самом деле, очень много. Изображены в натуральную величину и во весь рост не только покойники, но даже и их неутешные вдовы, тещи и дети. Есть статуя одной старушки-помещицы, которая держит в руке два сдобных хохлацких бублика». А ранее, в Милане, Чехов впервые осмотрел «крематорию, где сжигают покойников». Надо сказать, что и Суворин отмечал тягу писателя к посещению за границей кладбищ, как и в первой совместной поездке в 1891 году. Вероятно, это объясняется их скульптурным и художественным богатством по сравнению российскими убогими погостами и захоронениями и в целом европейской культурой погребения. Все это производило впечатление на Чехова.

В нескольких письмах из Европы Чехов сообщал, что пишет «повесть из московской жизни» («не маленькую, да и не особенно большую»). «Работаю кропотливо и потому едва ли кончу ранее декабря», — сообщал он, например, 6 октября В. А. Гольцеву, редактору журнала «Русская мысль». Повесть «Три года» (с первоначальным подзаголовком «рассказ») была опубликована в журнале уже в № 1 за 1895 год. Впечатлений от этого европейского турне она не содержала.

Зато впечатления о Генуе вошли в ткань пьесы «Чайка», над которой Чехов начал работать вскоре (1895—1896) и опубликовал в № 12 «Русской мысли» в 1896 году. Премьера состоялась 17 октября 1896 года на сцене Александринского театра в Петербурге.

В четвертом действии пьесы по-чеховски, как бы между прочим, возникает такой диалог:

М е д в е д е н к о. Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился?

Д о р н. Генуя.

Т р е п л е в. Почему Генуя?

Д о р н. Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная. Кстати, где теперь Заречная? Где она и как?⁶

Как видим, очевидное творческое последствие совсем недавней поездки в Европу.

В письме Линтваревой содержалась и еще одна идея, будоражившая мысли Чехова еще с дней первого «погружения» в Европу: «Путешествие за границей обходится гораздо дешевле, чем, например, поездка на Волгу. Я часто думаю: не собраться ли нам большой компанией и не поехать ли за границу? Это было бы и дешево, и весело. Я,

⁶ ПССиП, т. 13, с. 49.

Потапенко, Маша, Вы и т. д., и т. д. Как Вы думаете?» Однако поехать компанией ни в Европу, ни даже на Волгу Чехову в отпущенное ему десятилетие не удалось.

Опять Ницца. Драма Лики Мизиновой

2 октября путешественники приехали в Ниццу, «цветущее кладбище европейской аристократии», по выражению Мопассана. Остановились в роскошном прибрежном отеле «Beau Rivage». (Ныне на отеле установлена мемориальная доска о пребывании в нем в 1891 году Антона Чехова (Antoine Tchekhov), «русского романиста и драматурга», то есть во время первого посещения Ниццы, что по косвенным признакам весьма вероятно, но документально до сих пор не подтверждено. А второе пребывание в отеле отмечено самим писателем в письме Лике Мизиновой от 2 октября, но мемориальная доска об этом не сообщает.)

В письме Гольцеву четыре дня спустя писатель неуверенно убеждает то ли себя, то ли адресата: «Я кашляю, кашляю и кашляю. Но самочувствие прекрасное. Заграница удивительно бодрит». И в приписке: «Ах, какое здесь пиво! Я выпиваю по бутылке в день. Что за пиво!»

Узнав из полученных от коллеги писем, что ему причитаются некоторые суммы за публикации, Чехов просит об услуге — заплатить 187 рублей в Земельный банк за имение: «Я еще не платил за вторую половину этого года».

В день приезда на Лазурный берег Чехов пишет важное письмо родным (на имя Марии Павловны): «Я в Ницце. Здесь жарко, шумит море, но особенно интересного мало, так как раньше я уже был в Ницце. Отсюда поеду на 2—3 дня в Париж, а затем в Россию. Рассчитывал повидаться в Париже с Ликой, но оказывается, что она в Швейцарии, туда же мне не рука. Да и надоело уже ездить. Был я в Милане, в Генуе.

Потапенко жид и свинья.

Скоро я буду дома. Оставайся здорова и кланяйся.

Твой А. Чехов.

Здесь масса русских».

Основной смысл всех слов и ругательств связан прежде всего с Лидией Стахиевной Мизиновой. Удивительная и загадочная влюбленность и противостояние с «адской красавицей» продолжалось у Чехова все последние пять лет. «Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика», «милая Канталупочка», «кукуруза души моей»⁷, — изощрялся писатель в обращениях к ней. Если в дни отъезда в азиатское путешествие весной 1890 года он писал ей полушутя-полусерьезно, что бежит от нее на Сахалин, в момент восхождения на Везувий в 1891 году только и «думал о ней», то теперь, в сентябре 1894 года, признавал: «Очевидно, я и здоровье прозевал так же, как и Вас». Впрочем, и здесь сомнения: так уж и прозевал ее?

Именно в Ницце Чехова нагоняют полуистерические письма Лики, полные слез, упреков и мольбы повидаться: «Предупреждаю, не удивляться ничему. Если не боитесь разочароваться в прежней Лике, то приезжайте! От нее не осталось и помину! Да, какие-нибудь шесть месяцев перевернули всю жизнь, не оставили, как говорится, камня на камне! Впрочем, я не думаю, чтобы Вы бросили в меня камнем!» (в письме от 21 сентября из Монре). В открытую намекает, что она в «интересном положении» (о чем Чехов и так уже догадывался) — так закончился ее «роман», на этот раз с Игнатием Потапенко, женатым человеком.

⁷ Фильдекос — шелковистая ткань для изготовления тонких трикотажных изделий: перчаток, чулок и проч. Канталупа — сорт ароматной, сладкой дыни.

2 октября Чехов отстраненно отвечает: «К сожалению, я не могу ехать в Швейцарию, так как я с Сувориным, которому необходимо в Париж. В Ницце я пробуду 5—7 дней, отсюда в Париж — тут 3—4 дня, а затем в Мелихово. В Париже буду жить в Grand Hôtel'e. О моем равнодушии к людям Вы могли бы не писать. Не скучайте, будьте бодры и берегите свое здоровье. Низко Вам кланяюсь и крепко, крепко жму руку <...>. Если бы мне удалось получить Ваше письмо в Аббации, то в Ниццу я проехал бы через Швейцарию и повидался бы с Вами, теперь же неудобно тащить Суворина». В тот же день, еще не получив этого ответа, Лику в отчаянии бросает обвинение: «От прежней Лики не осталось и следа, и, как я думаю, все-таки не могу не сказать, что виной всему Вы».

По существу, последний акт драмы их отношений кончился, хотя они еще долго оставались друзьями, переписывались, встречались в Мелихово. А канва этих сложных взаимоотношений нашла заметное отражение в творчестве писателя и драматурга. И прежде всего в рассказе «Ариадна».

Специалисты считают, что в образе героини переплелись черты трех подруг писателя: Ариадны Черец, дочери таганрогского инспектора, Лидии Мизиновой и актрисы Лидии Яворской. О том, что Лика не отрицала этого сходства, говорит ее подпись в письме к Чехову 1 ноября 1896 года: «Отвергнутая Вами два раза Ар.». Недопи- санное слово Ар было зачеркнуто автором письма⁸.

А в драматургии Чехова образ Чайки — Нины Заречной напрямую связывается с судьбой Лики Мизиновой. Вот лишь продолжение реплик из «Чайки», приведенные выше:

Т р е п л е в. Должно быть, здорова.

Д о р н. Мне говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь. В чем дело?

Т р е п л е в. Это, доктор, длинная история.

Д о р н. А вы покороче.

(Пауза)

Т р е п л е в. Она убежала из дому и сошлась с Тригориным. Это вам известно?

Д о р н. Знаю.

Т р е п л е в. Был у нее ребенок. Ребенок умер. Тригорин разлюбил ее и вернулся к своим прежним привязанностям, как и следовало ожидать. Впрочем, он никогда не покидал прежних, а по бесхарактерности как-то ухитрился и тут и там. Насколько я мог понять из того, что мне известно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Д о р н. А сцена?

Т р е п л е в. Кажется, еще хуже. Дебютировала она под Москвой в дачном театре, потом уехала в провинцию. Тогда я не упускал ее из виду и некоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завы- ваниями, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты.

Д о р н. Значит, все-таки есть талант?

Т р е п л е в. Понять было трудно. Должно быть, есть. Я ее видел, но она не хоте- ла меня видеть, и прислуга не пускала меня к ней в номер. Я понимал ее настроение и не настаивал на свидании.

(Пауза)

Что же вам еще сказать? Потом я, когда уже вернулся домой, получал от нее письма. Письма умные, теплые, интересные; она не жаловалась, но я чувствовал, что

⁸ Цит. по: Э. А. Полоцкая. Источники рассказа Чехова «Ариадна» (жизненные впечатления) — Известия АН СССР, Отд. литературы и языка, 1972, т. XXXI, вып. 1 // Летопись жизни и творчества А. П. Че- хова, т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2009, с. 551.

она глубоко несчастна; что ни строчка, то больной, натянутый нерв. И воображение немного расстроено. Она подписывалась Чайкой. В «Русалке» мельник говорит, что он ворон, так она в письмах все повторяла, что она чайка. Теперь она здесь.

Д о р н. То есть как, здесь?

Т р е п л е в. В городе, на постоялом дворе. Уже дней пять как живет там в мере. Я было поехал к ней, и вот Марья Ильинишна ездила, но она никого не принимает. Семен Семенович уверяет, будто вчера после обеда видел ее в поле, в двух верстах отсюда.

М е д в е д е н к о. Да, я видел. Шла в ту сторону» к городу. Я поклонился, спросил, отчего не идет к нам в гости. Она сказала, что придет.

Т р е п л е в. Не придет она.

(Пауза)

Отец и мачеха не хотят ее знать. Везде расставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее к усадьбе. (Отходит с доктором к письменному столу.) Как легко, доктор, быть философом на бумаге и как это трудно на деле!

С о р и н. Прелестная была девушка.

Д о р н. Что-с?

С о р и н. Прелестная, говорю, была девушка. Действительный статский советник Сорин был даже в нее влюблен некоторое время.

Д о р н. Старый ловелас⁹.

Очевидно не только совпадение черт характера героини и прототипа, но и мистическое предсказание судьбы. Лица Мизинова не преуспела в карьере актрисы или певицы, к чему так стремилась, а ее маленькая дочка действительно умерла, но уже после написания пьесы, спустя три недели после первого, провального ее представления в Петербурге. Воистину, большие писатели и поэты часто бывают провидцами.

(Как вспоминала М. П. Чехова, «после похорон Антона Павловича Лица, вся в черном, пришла к нам и часа два молча простояла у окна, не отвечая на наши попытки заговорить с ней... Все прошлое, пережитое, должно быть, стояло перед ее глазами»¹⁰. Л. С. Мизинова впоследствии вышла замуж за актера и режиссера МХТ А. А. Санина (Шенберга), ставшего за границей известным режиссером. Она прожила довольно долгую жизнь, умерла в Париже в 1939 году. В отличие от многих пассий великого писателя не оставила о нем воспоминаний.)

Из Ниццы путь уже лежал домой. 7–9 октября путешественники находились в Париже, а 10-го остановились «для передышки в Берлине» в Hotel «Bristol». Они устали от ежедневного общения и надоели друг другу. «Оба скитаются и оба молчат», — делала вывод современница, ссылаясь на письмо Суворина из Ниццы¹¹.

14 октября 1894 года Антон Чехов возвратился в Москву, пробыв за границей чуть менее месяца. Второе путешествие в Европу закончилось. С головой, без передышки он возвратился в творческую работу («пишу длинную повесть»).

2 ноября Чехов подсчитал и сообщил в письме Суворину о своем долге за путешествие — 1200 рублей. Однако добавил, что «заплатить я сейчас этого долга не могу, ибо я бессребреник».

Одна из современниц Чехова, «антоновка» Т. Л. Щепкина-Куперник, упрекала Чехова в том, что «заграничные путешествия не отозвались ни на его творчестве, ни на нем самом», поскольку он «не владел ни одним европейским языком». «Таким образом, — объясняла она, — его жизнь за границей превращалась для него во что-то

⁹ ПССиП, т. 13, с. 49–51.

¹⁰ М. П. Чехова. Из далекого прошлого. М.: Художественная литература, 1960, с. 152.

¹¹ Цит. по: Дональд Рейфилд. Жизнь Антона Чехова. М.: Изд-во «Независимая газета», 2006, с. 437.

вроде кинофильма: он, так сказать, чувствовал себя глухонемым: один пейзаж, да и тот „бутафорский“, казавшийся ему слишком нарочито красивым, не удовлетворял его»¹².

Во-первых, как показано выше, это не совсем так. Впечатления от поездок как в Европу, так и в Азию «вкраплены» в тексты ряда произведений. Кроме того, Чехов на бытовом уровне говорил и писал как на немецком («я понимаю, и меня понимают»), так и на французском (и чем дальше, тем лучше, позднее даже брал уроки в Ницце).

А во-вторых — и в основном, — дело совсем в другом. Чехов до глубины души, до последних нейронов своего мозга оставался русским писателем, так сказать, певцом среднерусской и южнорусской России. Большие сюжеты европейской или азиатской жизни «не ложились» у него на бумагу, хотя, как известно, были и задумки, и даже наброски. Кстати, И. С. Тургенев, в отличие от Чехова, прекрасно знал французский и английский (переводил Шекспира и Байрона), долго жил во Франции, объездил всю Европу, но остался глубоко русским писателем, ничего не написав о французской жизни.

¹² Т. Л. Щепкина-Куперник. О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986, с. 254.